

Д. Н. Рыбин

А. Ф. Кони против Н. В. Логанова: правовой аспект борьбы против униатства в западных губерниях Российской империи

В XVIII в. российские императоры относились нейтрально к восточно-европейскому униатству (Екатерина II) или поддерживали его (Павел I). Павел I восстановил епархиальную структуру унии, перестал посылать своих представителей в католическое Высшее церковное управление, уравнивал в правах католическое духовенство обоих обрядов, фактически передав униатов в ведение католической церкви. Однако последняя повела себя неконструктивно — сомневалась в верности униатов, не доверяла им; не признавала униатских священников. Это способствовало росту православных настроений среди униатов¹.

Весь XIX в. православная церковь наступала на униатские церкви Украины и Белоруссии, постепенно их вытесняя. Например, в 1839 г. на Полоцком соборе униатские епархии Литвы и Белоруссии торжественно объявили об аннулировании Брестской унии 1596 г. и о возвращении в лоно православной церкви. 25 марта 1839 г. был издан указ «О слиянии греко-униатской церкви с православием». Также постепенно переводились в православие униатские церкви Украины. Одна униатская епархия в Российской империи осталась независимой — Холмская епархия.

Напор на униатов усилился после поражения Польского восстания 1863 г. Царская администрация энергично добивалась закрытия костелов и перевода населения в православие. Активно внедрялся русский язык как инструмент русификации². За 200 с лишним лет униатство глубоко проникло в народную

культуру и стало органической частью мировоззрения значительной части населения западных губерний империи. Многие поданные (упорствующие) тайно продолжали исповедовать униатство. Сохранялись скульптуры, униатские иконы, отмечались католические праздники³.

Энергичная политика религиозного контроля и повседневного давления приносила скромные результаты. Интересно отметить, что действовали полуподпольные костелы, полуподпольные униатские церковно-приходские школы. Их деятельность была возможна благодаря широкой коррупции, поразившей имперские органы власти. Кроме того, в отличие от РПЦ, католические миссионеры вели систематическую проповедь среди новообращенных православных западных губерний России⁴.

Рано или поздно процесс русификации и ликвидации унии должен был докатиться до Царства Польского. Вопрос неоднократно обсуждался в 1840–1860-е гг. Момент наступил после подавления Польского восстания 1863 г. Униатский епископ Терешкевич был переведен в другую губернию, на его место назначили Войцицкого, затем Куземского, которые начали постепенно изменять правила Холмской епархии. Вводился русский язык, изменялись обряды. Образованные униаты выступали против фактической ликвидации унии⁵.

По инициативе губернатора, МВД и отдельных групп униатов через административные власти (войтов) в 1873–1873 гг. был начат процесс воссоединения бывших униатов Холмской епархии и православной церкви. Постепенный переход завершился принятием 6 апреля 1875 г. императорского акта, превратившего униатскую церковь Польши (Холмская епархия) в Холмско-Варшавскую православную епархию. Священники подверглись гонениям. Значительное число униатов упорно отказывались переходить в православие. В отдельных случаях при смене священника власть привлекала войска. Оплотом греко-католической церкви осталась Галичина. Сторонники унии из Карпат продолжали поддерживать единоверцев на Востоке Польши. Многие перешедшие в православие, как и их единоверцы из Белоруссии и Украины, оставались фиктивными прозелитами⁶. Началась длительная борьба «новообращенных» за старое вероисповедание. Так как принудительное «воссоединение» с православием нарушало законы Российской империи, неизбежным стало появление жалоб и исков, которые обрушились на судебную систему империи. Конечной стадией рассмотрения уголовных дел являлся Уголовно-Кассационный департамент Сената, обер-прокурором которого был в то время А. Ф. Кони. С неизбежностью Кони должен был увидеть поток дел об униатстве, поступающих из Привислинского края.

Основное количество униатов в Царстве Польском располагались в Подлясье и Холмщине. В то время это были губернии: Седлецкая (1867–1912 гг.), Люблинская (1837–1917 гг.), Холмская (1912–1917 гг.), т.е. часть Северо-Восточной Польши.

Необходимо сказать несколько слов о данных по воссоединению. Из церковных источников известно, что к православной церкви перешло 87 приходов с 62 священниками и 93 тыс. прихожан в Седлецкой губернии и 147 приходов с 134 священниками и 132 600 прихожанами в Люблинской губернии, а также 9 приходов с 6 священниками и 11 600 прихожанами в Сувалковской и Ломжинской губерниях. Холмская епархия стала православной, но униатские приходы в ней оставались в Соколовском благочинии Седлецкой губернии — 22 прихода и в Варшаве — 1 приход (около 27 тыс. прихожан и 23 священника). В Люблинской губернии произошло воссоединение 51 прихода. 24 января 1876 г. произошел переход в православие варшавских униатов⁷.

Такое многочисленное воссоединение потребовало урегулирования ряда административных и государственно-церковных отношений: министерству внутренних дел было поручено организовать гражданский быт бывших униатов, а Святейшему синоду — церковные вопросы. Синод разработал правила рассмотрения и решения вероисповедальных дел о бывших униатах в новой Холмско-Варшавской епархии, по которым бывшие униаты были объявлены православными; верующие, рожденные бывшими греками-католиками, также считались теперь православными; рожденных до 1875 г. от смешанных браков униатов с католиками определяли следующим образом — лица мужского пола по вере отца, женского пола по вере матери⁸.

В 1876 г. в Царстве Польском, входившем в то время в Российскую империю, была введена российская судебная система образца 1864 г. Соответственно были введены принципы публичности судебного разбирательства, что в известной степени способствовало обнаружению и обострению ряда социальных трудностей, особенно в системе государственно-церковных отношений лиц разных вероисповеданий, не столько в сфере свободы веры, сколько в сфере соблюдения законов Российской империи.

По свидетельству А. Ф. Кони, губернатором С. С. Громекой были изданы особые правила, устанавливающие ответственность униатов, которые присоединились к православной вере, за нарушение законов Российской империи (некрещение детей, невенчание по православным правилам, неустановленное захоронение мертвых родственников). Система наказаний включала штрафы, довольно значительные для крестьянского населения, что вело к его разорению. Штраф от 1 до 7 руб. должен был взыскиваться еженедельно! (как писал Кони), до тех пор, пока «обращенный» не принесет православную метрику на ребенка. Упорствующие разорялись. Их высылали в Сибирь.

Кроме того, полиция преследовала бывших униатов за малейшие признаки нелояльности. Например, работа на поле в православные праздники наказывалась по ст. 30 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (ослушание полиции), или по ст. 29 Устава (неисполнение законных требований власти — с «новообращенных» брали подписку, о том, что они будут соблюдать православные праздники); наказывалось колядование по ст. 38 Устава (нарушение

спокойствия и тишины); отказ от свидетельской присяги по православному обряду или несоблюдение подписки не посещать католический костел наказывались по ст. 30 Устава⁹.

Соответственно, формировалась враждебная атмосфера взаимодействия полицейской власти с крестьянами, возникали постоянные противостояния, в том числе с использованием силы. Увеличилось число нападений на представителей власти, тюрьмы наполнились арестованными. Как следствие, многие присоединенные к православию бывшие униаты стали «упорствующими» (по оценке Кони, в Седлецкой губернии таких было 120 тыс.), отошли от православной веры. По инициативе министра юстиции Константина Ивановича Палена с целью разрешения этого вопроса было создано особое совещание (1876), а также было принято решение ходатайствовать о прекращении всех возбужденных в Седлецкой губернии уголовных дел этой категории. Было также рекомендовано заменить карательные меры (штрафы) на иные меры убеждения униатов. Министру юстиции приходилось «накапливать» дела на униатов, ходить с ними к императору и всякий раз получать высочайшее повеление об освобождении от ответственности групп униатов.

Несмотря на общее заключение совещания о том, что необходимо отменить административные и уголовные меры в отношении униатов, — варшавский генерал-губернатор П. Е. Коцебу выработал правила, предусматривающие еще более суровую ответственность, вплоть до тюремного заключения. Вообще, предполагалось в этом вопросе изъять религиозные дела из ведения органов юстиции и передать их целиком в полицейские органы. Панин предостерегал сотрудников МВД от угрозы «производства» мучеников за веру. Но его не слушали. Вопрос «завис», так как министр юстиции не соглашался на изменение подсудности дел. Новый император сформировал новое особое совещание по униатам.

Относительно мягкий закон 1882 г. предполагал штрафы за несообщение местному православному священнику о рождении ребенка для составления соответствующего акта, а также погребение умерших без надлежащего разрешения. Иные действия, как то уклонение от таинства крещения детей и от совершения погребения умерших при участии православного священника, нарушение праздничных дней, непосещение православной церкви, не наказывались непосредственно, однако их совершение рассматривалось полицейской властью по другим статьям Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, — неисполнение законных требований полицейской власти, слушание полицейской стражи и т. д. Главное — дела, связанные с уголовным преследованием униатов, были переданы в судебные учреждения.

В 1887 г. в Правительствующий сенат поступило несколько кассационных жалоб на приговоры Седлецкого мирового съезда второго округа — по делу о так называемых краковских браках (запрет на такие браки был введен в 1885 г.). Специальная католическая миссия из Кракова засылала священников-миссио-

неров, которые заключали браки по католическому образцу (Н. А. Логанов указывал, что ксендзы использовали информацию о том, что католики пользуются свободой на территории империи, а также что высшие органы власти в столице якобы поддерживают католицизм)¹⁰. При этом священники несли с собой метрические книги, в которых отмечалось, что, якобы, брак заключен в Кракове. Далее они легализовали метрики в Кракове и в Варшаве. Полулегальная религиозная деятельность сразу же привела к появлению мошенников, выдававших себя за ксендзов и обманывающих крестьян. Упорствующим активно поддерживали Братство Сердца Иисуса (бывшие иезуиты) и польское общество в целом.

Бывшие униаты не соглашались совершать браки по православному обряду, а католическая церковь помогала им провести ее упрощенно — через признание их состоящими в браке. Православная духовная консистория в Царстве Польском признавала такие браки, совершенные по католическому обряду между лицами, исповедующими православную веру, незаконными и недействительными (процедура предполагала следующие действия: полиция по обнаружении краковского сожительства сообщала в консисторию, консистория расторгла брак и сообщала властям, административные органы брали с супругов подписку о разлучении, далее полиция составляла протокол о неисполнении подписки и передавала дело в гминный суд). Супругов-униатов заставляли разъезжаться по разным домам, детей отлучали от одного из родителей. За сопротивление по ст. 29 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, их присуждали к штрафу в 25 руб. (приговор выносил гминный суд). Упорствующие присуждались к еще большему штрафу или двухмесячному аресту. Вскоре «посыпались» дела с обжалованием вынесенных приговоров. Так как дела были стандартные, под них заготовили специальную форму и просто вписывали фамилии и имена «преступников». Русские священники-администраторы (епископы и благочинные округов) активно добивались судебного преследования «вероотступников». При этом миссионерской деятельностью православные священники не занимались. 23 из обжалованных «краковских» дел «добрались» до Сената.

По толкованию ст. 37 ч. 1 т. X Свода законов Российской империи, даваемого А. Ф. Кони, браки униатов являлись законными и действительными сами по себе (законодательство империи допускало смешанные браки). Признание их незаконными и недействительными возможно было лишь вследствие свойств, не касающихся веры, а зависящих от личности одного из супругов — в частности сумасшествия, близкого родства или свойства, недостижения брачного возраста и др. Продолжая свою мысль, А. Ф. Кони отмечал, что уголовное преследование можно возбудить в такой ситуации только при наличии заявления матери ребенка о требовании материального содержания при имевшем месте сожития неженатого с незамужней по ст. 994 Уложения о наказаниях, налагаемых мировыми судьями¹¹. В случае с бывшими униатами такая правовая

ситуация не возникала. Даже если бы члены этих семей жили в блуде — Уложение предусматривало ответственность только в виде церковного покаяния.

Обсуждение группы дел о краковских браках привела Кони в кабинеты Победоносцева и Гурко (варшавского генерал-губернатора в 1880-х гг.). Оба государственных деятеля согласились с доводами обер-прокурора (по словам Кони). Председатель 2-го Съезда мировых судей Седлецкой губернии Логанов был вызван в столицу, где ему дали предписание устранить нарушения закона.

В 1890 г. в Сенат поступила новая категория судебных дел для рассмотрения в кассационном порядке, касающаяся порядка внесения сведений о рожденных детях бывших униатов. Местные власти отбирали у родителей подписку о предоставлении метрики в 3-дневный срок. Отказ от такой подписи или непредставление метрики после подписи вновь влекли ответственность по ст. 29 Устава. Опять приговоры съезда мировых судей второго округа Седлецкой губернии были отменены, недоставление метрических свидетельств для проверки правильности книг народонаселения не было признано проступком или преступлением, караемым уголовным законом.

Таким образом УКД Сената вместе с Кони неоднократно отменял приговоры мировых съездов Седлецкой губернии в вопросах, связанных с верой. Поняв, что Сенат в деле подавления униатства им не поможет, местные власти перестали действовать через судебные органы и продолжали оказывать административное давление. Правовая ситуация все же была неопределенной. Так, Кони иногда приходилось апеллировать не к закону, а к принципам права. Ситуация была интересна тем, что юридическая доктрина столкнулась с конкретной практикой правоприменения.

Можно согласиться с мнением О. В. Диановой, в том числе проанализировавшей позицию А. Ф. Кони по униатским делам, что уничтожение унии усугубило межконфессиональный конфликт¹². В своей работе Анатолий Федорович приводил данные о росте оппозиционных настроений в Привислинском крае. Во всей Холмской епархии с 1895 по 1897 г. число упорствующих возросло на 10 тыс., с 63 тыс. прихожан до 73 тыс. В конце 1890-х гг. в Седлецкой губернии число воссоединенных примерно соответствовало числу упорствующих и колеблющихся. Тысячи пар жили в блудном сожитии. 26 тыс. детей не были крещены. К РПЦ упорствующие относились крайне озлобленно. Государство своими руками создавало революционную националистическую группу населения, враждебно относившуюся к России.

Деятельность Сената в отношении униатов вызвала негативную реакцию у отдельных консервативных групп населения. Своего рода рупором русификаторов края стал бывший председатель съезда мировых судей II округа Седлецкой губернии — Н. А. Логанов. В 1912 г. выходит работа Кони — «Униатские дела». Изучив эту работу, Логанов, считавший себя пострадавшим от действий обер-прокурора, подготовил книгу-опровержение и издал в 1913 г. труд «Униатские дела в воспоминаниях А. Ф. Кони и действительности»¹³.

Логанов в своей работе сразу же занимал позицию государственника — человека, уверенного в необходимости продвижения государственных интересов через вытеснение польского и католического элементов из «русского» (украинского) населения края. Кроме того, он был практическим работником, непосредственно находящимся «на передовой» борьбы с враждебным населением и переживал перипетии противостояния лично. Его позиция изначально противостояла позиции Кони, который, наоборот, исходил из необходимости соблюдения прав человека, а вопрос о русификации края не затрагивал.

По мнению Логанова, деятельность судебных учреждений по униатским делам была никому не нужна — ни высшим представителям административной власти, ни обер-прокурору Синода (в доказательство он приводил прошения к старшему председателю, прокурору палаты, письмо в адрес А. Ф. Кони).

Логанов отмечал, что упорствующие получали активную поддержку со стороны польского общества. Их охотно брали на службу, материально поддерживали. Те из упорствующих, которые не могли получить краковских метрик, вовсе не отчаивались. Они использовали ситуацию для сокрытия данных от воинского учета. Проводили свои «отрицательные» (так выразился Логанов) обряды, т.е. католические требы. Во время переписи населения 1897 г. дошло до того, что давление толпы было настолько сильным, что власти Константиновского уезда Седлецкой губернии были прямо вынуждены вписывать в переписные листы многих участников беспорядков как католиков. По данным Логанова со ссылкой на письма русских священников, озлобление местных «поляков» (украинцев-униатов) дошло до того, что они развязали экономический террор против «русских» (украинцев-православных).

По мнению Логанова, явного поклонника теории «всеобщего заговора против России», все эти безобразия «управлялись опытными людьми, воспитанными на Западе». При этом причины такого внезапного озлобления Логанов не увидел и никак в своей работе не описал, кроме разве что старой мантры о «руководящей и направляющей руке Запада»¹⁴.

В своей полемической работе бывший мировой судья по пунктам развенчивал утверждения Кони о допускаявшемся нарушении закона. Так, Логанов настаивал, что местные органы власти не могли не вести метрики, так как их к этому обязывал закон, даже если униаты от них уклонялись и применяли 29-ю ст. Устава. Также нормальным могло считаться применение этой статьи к лицам, заключавшим краковские браки, хотя внятного объяснения своей правоты Логанов не приводит, и точка зрения Кони выглядит более предпочтительной. Так же уверенно он настаивал на применении указанной статьи к отказу лица без законных оснований от присяги при судопроизводстве. Логанов указывал, что применение ст. 30 (за несоблюдение православных праздников, за отказ в выражении почтения к крестным ходам), 36 (за нарушение благочиния во время богослужения), 38 (за нарушение тишины во время колядования),

107 (нарушение правил погребения), 109 (перевозка мертвого тела без разрешения) Устава было необходимо и закон не нарушался.

Что интересно, внося свои утверждения, Логанов совершенно не ссылался на постановления и определения Сената, поэтому его позиция сейчас выглядит уязвимой. Более того, возникает ощущение, что Логанов являлся сотрудником полиции, а вовсе не органов юстиции. По его мнению, никакого давления на свободу совести не было. Просто полиция требовала соблюдения государственного порядка. Ситуацию, когда полиция могла использовать абстрактные формулировки закона в любую выгодную сторону, Логанов как бы не замечал. Более того, он прямо заявлял, что не понимал сопротивления униатов. Выполнив формально православные обряды, упорствующие, «если хотели, могли уклоняться от дальнейшего общения с церковью и воспитывать своих детей в желаемом вероучении» (поясню — Логанов предлагал двуличие). Отказываясь крестить своих детей, униаты ставили их в пораженное положение. Рассуждая в таком духе, бывший мировой судья приводил множество примеров «унижений» православных, которые в наше время унижениями не считаются. Логанов задавался вопросом — и что же было делать мировым судьям? Следовать формализму закона или потворствовать анархии? Ответ для него очевиден — конечно же, государственный порядок (как он его понимал) выше закона. Как считал Логанов, судебные штрафы мало-помалу обращали людей к православию (статистику он не приводил)¹⁵.

Шаг за шагом Логанов «развенчивал» «литературные заблуждения» Кони. Не погружаясь в мелкие правовые нюансы, отметим, что многие возражения и придирки Логанова не затрагивали сущности вопроса — попрание свободы совести. Он категорически отрицал назначение многочисленных штрафов, назначаемых с целью чуть ли не разорения упорствующих. Скорее всего, мировой судья был прав. Тем не менее повторные штрафы с поощрения Консистории все же назначались, хотя и не так часто, как об этом сообщал сенатор.

По утверждению Логанова, прямое сопротивление оказывали только демонстративные люди, т.е. провокаторы. Способ избежать наказания в случае краковского брака был очень прост — супруга на несколько дней уходила к родственникам и как бы брака «не было». Понимая, что Сенат выступал против униатских дел, Логанов пытался заручиться поддержкой у Победоносцева, который сдержанно поддерживал такие дела (по словам Кони, тот вообще не поддерживал), но повлиять на министерство юстиции обер-прокурор Синода не мог. Логанов категорически оспаривал преследование «православных» за посещение костела, опровергал положения своего доклада у министра юстиции, о котором писал Кони, отрицал «самовольство съездов мировых судей Царства Польского» по делам об униатах, утверждал, что преследования за непринесение присяги были единичными. Также Логанов подчеркивал, что именно Кони согласился, что принудительная регистрация детей в метриках соответствовала российскому законодательству.

Логанов непрерывно рисовал значительное число упорствующих как провокаторов и хулиганов (шумное колядование, шумные краковские свадьбы, демонстративное поведение, воровство посевов, саботаж, затруднения при проведении православных обрядов, особенно крестных ходов, и пр.). Конечно, отрицать такие выходки со стороны маргинализуемых властью униатов нельзя. Но и распространять их на более чем 100-тысячную группу упорствующих было бы явной ложью. Действия полиции Логанов часто оправдывал необходимостью защиты «русских» подданных от «поляков». Логанов признавал и оправдывал наложение штрафов за сельскую работу в православные праздники, за несоблюдение праздничных дней. Например, он приводил аргумент, что отобрание подписки у католиков и униатов об исполнении православных праздников имело экономическое значение. Большинство нанимателей были католиками или униатами, а батраки — православными. Подписка защищала права православных.

В итоге Логанов развенчивал сказку об униате-«страдальце», сочиненную Кони. Перед нами предстает хитрый изворотливый униат, выживающий в русском мире и старающийся по мелочи причинить вред «русскому». Очевидно, что и этот образ далек от реальности. Скорее всего, образ униата имел промежуточные черты между картиной Кони и Логанова. Униатам действительно приходилось выживать. Из страха перед властью они не шли на серьезный бунт, но не упускали случая навредить власти и «русским». Постепенно униат превращался в маргинала и удерживался «на плаву» только при поддержке польского сообщества.

В ряде случаев Логанов передергивал факты, замалчивал отдельные события или прямо искажал слова Кони. Например, упрекая Кони в нарушении хронологии, сам Логанов не упоминал, что до 1885 г. основные преследования униатов проходили в административном порядке и были довольно жесткими. Крайне неубедительно выглядит аргумент Логанова о том, что обжалование униатских дел всегда составляло всего лишь десятки, а иногда единицы случаев. Якобы это свидетельствовало о небольшом количестве дел (статистику он не приводил) и небольшом количестве судебных ошибок. Достаточно представить себе неграмотного украинского крестьянина, который заранее уверен, что от имперской власти ему добра не ждать, чтобы понять причины редкого обжалования приговоров. Ему проще было пойти на многочисленные нарушения закона враждебного ему государства, чем судиться или обжаловать приговоры.¹⁶

На примере ведения метрик Логанов показывал, к какому хаосу и безобразию могло привести сопротивление униатов. Часто (на основании закона) священникам не показывали новорожденных младенцев, и они получали информацию о рождении от войтов¹⁷ или солтысов¹⁸. При этом они не платили пошлины и плату за крещение. Чтобы избежать воинского призыва, мальчиков записывали как девочек. Многие упорствующие «умирали», когда им было это выгодно (накануне призыва в армию). Другие, наоборот, «жили» много лет

после смерти. Традиции веселого отношения к закону сохранились у этого народа до наших дней. Попытка Логанова, по его словам, остановить поток фальсификаций метрик закончилась провалом. Он получил отрицательные оценки своей деятельности и в администрации генерал-губернатора и в Сенате. Вскоре покинул свой пост¹⁹.

Униатство пыталось взять реванш. 17 апреля 1905 г. был принят указ о том, что недопустимо принуждение в отношении веры, о свободе вероисповеданий. Очевидец указанных событий, профессор А. С. Будилович (правый монархист) в работе «Холмская Русь и поляки» писал: «И все-таки, несмотря на указанные ошибки с русской стороны и безудержную агитацию с польской, число “упорствующих” в Люблинской, а особенно в Седлецкой губ. не превышало 80 000 душ. Под влиянием школы и жизни — это число, вероятно, постепенно сократилось бы до нуля, несмотря на всю польскую агитацию, если бы с 90-х годов прошлого столетия не начались постоянные колебания в направлении и общей администрации, и школьного дела в русском Забужье. Но окончательный удар нанесен был русскому его населению смутами нашего лихолетья и в частности тем террором, который развит в Люблинской и Седлецкой губерниях местными ксендзами и панями при преступном бездействии русской администрации после издания манифеста 17 апр[еля] 1905 г. Вот в эту-то пору откололись от православной церкви не только остатки вышеупомянутых 80 000 “упорствующих”, но и еще большее число твердых дотоле в православии русских забужцев!»²⁰ 31 января 1907 г. был издан закон об особых правилах составления и исправления актов гражданского состояния бывших униатов. Старые препятствия, возникающие при их регистрации, были устранены. Права пострадавших были частично восстановлены (признаны браки, признаны рождения и пр.). Браки униатов можно было доказывать любыми законными способами.

Многочисленные правовые искажения, накопившиеся с 1875 по 1905 г., должны были быть исправлены при новом правовом режиме. И на общие суды империи «обрушился» поток дел о восстановлении в правах. Многочисленные иски содержали просьбы/требования «переделать» мальчиков в девочек или наоборот, незаконных детей сделать законными, уничтожить двойные акты об одном и том же лице, «умершего» превратить в живого. При этом, что интересно, восстановления в правах за время «небытия» не происходило. Права наступали только с момента признания лица судом²¹.

Желания «вероотступников» натолкнулись на вялое сопротивление МВД и РПЦ империи. Различие в декларируемой политике и реальной церковной практике привело к росту раздражения и оппозиционных настроений среди проуниатски настроенной части населения польских, литовских, белорусских, украинских губерний империи. Десятки тысяч «православных», ссылаясь на указ о свободе совести, стремились перейти в католицизм, протестантизм или раскол²². Несмотря на провозглашенную свободу слова, в начале XX в. российские чиновники не могли оставить свои мечты об ускоренной русифика-

ции и православизации и предпринимали попытки добиться их вновь и вновь. Также они пытались перенести эту практику в соседние регионы. Например, в Галицию в начале Первой мировой войны²³.

Очевидно, что политика Российского государства в Привислинском крае была не только неумелой, но и во многом ошибочной, основанной на ложных предположениях. МВД часто формировало симулякры для красивой отчетности о якобы распространении православия. Мировая юстиция и церковь находились в тесном единстве с МВД. Отчасти это было вызвано тем, что «русское» население края оказывалось часто в меньшинстве и как бы оборонялось от «поляков». Отсутствие четких правовых определений в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, позволяло местным административным и судебным органам использовать закон как средство давления на униатов, что неизбежно приводило к подавлению свободы совести. Сенат одергивал местные органы юстиции и рассматривал закон как защиту, а не как инструмент репрессий.

А что было бы дальше? По мнению Логанова, «нам не хватило времени». Мол, население бы привыкло, подверглось влиянию православия и т. п. По мнению Кони, при таком низком качестве управления — топорном и несправедливом — времени никогда бы не хватило. Сенатор сообщал, что еще в 1904 г. обсуждалось, что надо бы развернуть миссионерскую работу. Не поздно ли? — вопрошал Кони? Сколько еще требовалось лет? — спрашивал бывший обер-прокурор. Население только отвращалось от России.

Бывшее униатское население подверглось в 1905–1915 гг. национальному размежеванию. Почти 200 тыс. бывших униатов-«православных» перешли в католичество, окончательно отказались от украинского языка и ополячились. Остальные, а это несколько сотен тысяч человек, подверглись депортациям как со стороны российской, так и австрийской военной администрации в 1915–1918 гг. Репатрируемые в годы Гражданской войны украинцы были убежденными врагами и России, и Польши, и Австрии, составляли опору Украинской народной республики. В 1918 г. Холмщина и Подляшье формально входили в состав УНР. Но пока репатрианты медленно возвращались домой, польская армия быстро заняла земли бывшего Люблинского воеводства и возвращать его «Украине» не собиралась. Бывшие украинцы-униаты и украинцы-православные («русские») пережили массу страданий в конце XIX — начале XX в., но впереди их ждали гораздо более страшные времена, закончившиеся полной депортацией украинского населения с их исторической родины в 1944–1946 гг.

- ¹ *Романчук А.А.* Возвращение западнорусских униатов к православию (1780–1839): устоявшиеся стереотипы и историческая реальность // Конфессиональная история российско-белорусского приграничья конца XIX — середины XX в.: институты, практики, идентичности: сборник материалов междунауч. конф. / Под ред. М. В. Каиля. Смоленск, 2019. С. 63–73.
- ² *Шевкун П.В.* Православная церковь на территории Беларуси в системе межконфессиональных отношений (конец XVIII — начало XX века) // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории. 2020. № 4. С. 177–198.
- ³ *Табунюв В. В.* 1) Белорусская церковная уния в памяти населения Белорусских земель конца XIX — начала XX ст. // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Сэрыя А. Гуманітарныя навукі: гісторыя, філасофія, філалогія. 2019. № 1 (53). С. 24–28; 2) Идея возрождения униатской церкви на белорусских землях и память про унию среди белорусов в конце XIX — начале XX в. // Брэсцкая царкоўная унія (1596–2006): гісторыя і сучаснасць. Зборнік навуковых артыкулаў. Установа адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна», Кафедра культуралогіі. Брэст, 2006. С. 124–132.
- ⁴ *Табунюв В. В.* 1) Политика царского правительства в национально-религиозном аспекте на Белорусских землях во второй половине XIX — начале XX века // Кулешовские чтения. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі: тэзісы дакладаў. Магілёў, 2004. С. 134–136; 2) Положение православной церкви и католического костела на белорусских землях в конце XIX — начале XX ст. // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. 2006. № 4 (25). С. 10–15; 3) Причина перехода из православия в католицизм на белорусских землях в начале XX века // Романовские чтения — 9. Сборник статей Международной научной конференции. Магілёў, 2013. С. 178–180; 4) Деятельность римско-католического костела по сохранению своего влияния на белорусских землях в конце XIX — начале XX ст. // Романовские чтения — 15: сборник статей Международной научной конференции. Могилев, 2021. С. 31–32; *Шевкун П. В.* Трансформация социальной роли белорусско-литовских православных епархий: от маргинального вероисповедания к доминирующему (последняя треть XVIII — XIX в.) // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. 2020. Т. 31. С. 87–95; *Маркова Н. М., Пенкина С. Н.* Миссионерская деятельность католической церкви в западном крае Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. // Социально-политические науки. 2021. Т. 11, № 2. С. 140–146.
- ⁵ *Логанов Н. А.* Униатские дела в воспоминаниях А. Ф. Кони и действительности. Седлец, 1913. С. 36–37.
- ⁶ *Мельков А. С.* Влияние русского православия на политику русификации Холмщины в XIX — начале XX в. // *Studia Humanitatis*. 2016. № 1. С. 9; *Римко О. Г.* История воссоединения холмских униатов с православной церковью в 1875 году (по материалам белорусских епархиальных ведомостей) // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 42–53.
- ⁷ *Римко О. Г.* История воссоединения холмских униатов с православной церковью в 1875 году (по материалам белорусских епархиальных ведомостей). С. 47.
- ⁸ Там же. С. 47.
- ⁹ *Кони А. Ф.* На жизненном пути. Т. 1. Из записок судебного деятеля. Житейские встречи. СПб., 1912. С. 533.
- ¹⁰ *Логанов Н. А.* Униатские дела в воспоминаниях А. Ф. Кони и действительности. С. 8–10.
- ¹¹ *Кони А. Ф.* На жизненном пути. Т. 1. Из записок судебного деятеля. Житейские встречи. СПб., 1912. С. 527–528.
- ¹² *Дианова О. В.* Присоединение униатов западного края и Царства Польского к Православной российской церкви в российских и польских нарративных источниках // Конфессиональная история российско-белорусского приграничья конца XIX — середины XX в.: институты, практики, идентичности. Сборник материалов международной научной конференции / Под ред. М. В. Каиля. Смоленск, 2019. С. 106.

- ¹³ *Логанов Н. А.* Униатские дела в воспоминаниях А. Ф. Кони и действительности.
- ¹⁴ Там же. С. 17–19.
- ¹⁵ Там же. С. 20–30.
- ¹⁶ Там же. С. 41–71.
- ¹⁷ Войт — глава гмина, выборный сельский староста.
- ¹⁸ Солтыс (шультгейс) — деревенские старосты в отдельных регионах Польши.
- ¹⁹ *Логанов Н. А.* Униатские дела в воспоминаниях А. Ф. Кони и действительности. С. 81–89.
- ²⁰ *Будилович А. С.* Холмская Русь и поляки // *Rusin Journal Library*. 2017. № 1 (6). С. 134.
- ²¹ *Логанов Н. А.* Униатские дела в воспоминаниях А. Ф. Кони и действительности. С. 89–94.
- ²² *Табунув В. В.* 1) Активизация деятельности католических общественно-политических и социальных организаций в Беларуси в начале XX века // *Общественная мысль, движения и партии в России XIX — начала XXI в.: Сборник научных статей. По материалам Седьмой международной научной конференции в Брянске*. 2006. С. 31–32; 2) Влияние Указа 17 апреля 1905 г. на конфессиональную ситуацию в Беларуси // *Материалы научно-методической конференции преподавателей и сотрудников по итогам научно-исследовательской работы в 2004 г. Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова*. Магілёў, 2005. С. 20–22; *Филимонов В. В.* Взаимоотношение РПЦ и РКЦ в призме униатских идей в начале XX века // *Университетский научный журнал*. 2016. № 18. С. 227–230; *Шевкун П. В.* Православная церковь на территории Беларуси в системе межконфессиональных отношений (конец XVIII — начало XX века) // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории. 2020. № 4. С. 177–198.
- ²³ *Соколов А. Р.* Воссоединительные церковные проекты 1914–1915 гг. в Галиции и Закарпатье по мемуарам Георгия Шавельского // *Русин*. 2016. № 2 (44). С. 58–72; *Старостенко Э. В.* Служба православного военного духовенства на оккупированной территории Галиции в годы Первой мировой войны // *Журнал Белорусского государственного университета*. История. 2021. № 2. С. 39–47.

References

BUDILOVICH A. S. Kholmshkaya Rus' i polyaki [Kholmshkaya Rus' and Poles. In Russ.] // *Rusin Journal Library*. 2017. No. 1 (6). P. 128–154.

DIANOVA O. V. Prisoyedeneniye uniatov zapadnogo kraya i Tsarstva Pol'skogo k Pravoslavnoy rossiyskoy tserkvi v rossiyskikh i pol'skikh narrativnykh istochnikakh [The accession of the Uniates of the western region and the Kingdom of Poland to the Orthodox Russian Church in Russian and Polish narrative sources. In Russ.] // *Confessional history of the Russian-Belarusian borderlands of the late 19th — mid-20th centuries: institutions, practices, identities. Collection of materials of the international scientific conference / Ed. by M. V. Kaila*, 2019. P. 100–107.

FILIMONOV V. V. Vzaimootnosheniye RPTS i RKTS v prizme uniatskikh idey v nachale XX veka [The relationship between the RPC and the RCC in the prism of Uniate ideas at the beginning of the 20th century. In Russ.] // *University scientific journal*. 2016. No. 18. P. 227–230.

KONI A. F. Na zhizennom puti. T. 1. Iz zapisok sudebnogo deyatelya. Zhiteyskiye vstrechi [On the Path of Life. T. 1. From the notes of a judicial figure. Everyday meetings. In Russ.]. St. Petersburg, 1912.

LOGANOV N. A. Uniatskiye dela v vospominaniyakh A. F. Koni i deystvitel'nosti [Uniate affairs in the memoirs of A. F. Koni and reality. In Russ.]. Sedlec, 1913.

MARKOVAN M. Missionerskaya deyatel'nost' katolicheskoy tserkvi v zapadnom kraye Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. [Missionary activity of the Catholic Church in the western edge of the Russian Empire in the second half of the 19th — early 20th century. In Russ.] // *Socio-political sciences*. 2021. Vol. 11, no. 2. P. 140–146.

MELKOV A. S. Vliyaniye russkogo pravoslaviya na politiku rusifikatsii Kholmshchiny v XIX — nachale XX vv. [The influence of Russian Orthodoxy on the policy of Russification of the Kholmsh region in the 19th — early 20th centuries. In Russ.] // *Studia Humanitatis*. 2016. No. 1. P. 9.

RIMKO O. G. Istoriya vossoyedeniya kholmsskikh uniatov s pravoslavnoy tserkov'yu v 1875 godu (po materialam belorusskikh yeparkhial'nykh vedomostey) [The history of the reunification of the Kholm Uniates with the Orthodox Church in 1875 (based on the materials of the Belarusian diocesan bulletins). In Russ.] // *Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities*. 2013. No. 1. P. 42–53.

ROMANCHUK A. A. Vozvrashcheniye zapadnorusskikh uniatov k pravoslaviyu (1780–1839): ustoyavshiesya stereotipy i istoricheskaya real'nost' [Return of Western Russian Uniates to Orthodoxy (1780–1839): established stereotypes and historical reality. In Russ.] // *Confessional history of the Russian-Belarusian borderlands of the late 19th — mid-20th centuries: institutions, practices, identities: a collection of materials int. scientific. conf.* / Ed. M. V. Kaila. Smolensk, 2019. P. 63–73.

SHEVKUN P. V. Pravoslavnyaya tserkov' na territorii Belarusi v sisteme mezkhkonnatsional'nykh otnosheniy (konets XVIII — nachalo XX veka) [The Orthodox Church on the territory of Belarus in the system of interfaith relations (late 18th — early 20th century). In Russ.] // “The Long 19th Century” in the History of Belarus and Eastern Europe: Research on New and Contemporary History. 2020. No. 4. P. 177–198.

SHEVKUN P. V. Transformatsiya sotsial'noy roli belorussko-litovskikh pravoslavnykh yeparkhiy: ot marginal'nogo veroispovedaniya k dominiruyushchemu (poslednyaya tret' XVIII — XIX v.) [Transformation of the social role of the Belarusian-Lithuanian Orthodox dioceses: from a marginal to a dominant religion (the last third of the 18th — 19th centuries). In Russ.] // *Uchenye zapiski UO VSU im. P. M. Masherov*. 2020. Vol. 31. P. 87–95.

SOKOLOV A. R. Vossoyedinitel'nyye tserkovnyye projekty 1914–1915 gg. v Galitsii i Zakarpatt'e po memuarom Georgiya Shavel'skogo [Church reunification projects 1914–1915 in Galicia and Transcarpathia based on the memoirs of Georgy Shavel'sky. In Russ.] // *Rusin*. 2016. No. 2 (44). P. 58–72.

STAROSTENKO E. V. Sluzhba pravoslav'nogo voyennogo dukhovenstva na okkupirovannoy territorii Galitsii v gody pervoy mirovoy voyny [Service of the Orthodox military clergy in the occupied territory of Galicia during the First World War. In Russ.] // *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021. No. 2. P. 39–47.

TABUNOV V. V. Belorusskaya tserkovnaya uniya v pamyati naseleniya Belorusskikh zemel' kontsa XIX — nachala XX st. [The Belarusian Church Union in the memory of the population of the Belarusian Lands of the late 19th — early 20th centuries. In Russ.] // *Vesnik Magileyskaga dzyarzhaynaga Oniversiteta name A. A. Kulyashov. Seryya A. Humanitarian science: history, philosophy, philology*. 2019. No. 1 (53). P. 24–28.

TABUNOV V. V. Ideya vozrozhdeniya uniatskoy tserkvi na belorusskikh zemlyakh i pamyat' pro uniyu sredi belorussov v kontse XIX — nachale XX v. [The idea of the revival of the Uniate church in the Belarusian lands and the memory of the union among the Belarusians in the late 19th — early 20th centuries. In Russ.] // *Brest royal union (1596–2006): history and success. Zbornik navukovykh artykul'nykh. Establishment of the addukatsi “Brestski dzyarzhayny universitet imena A. S. Pushkin”, Department of Culturalogy. Brest, 2006. P. 124–132.*

TABUNOV V. V. Politika tsarskogo pravitel'stva v natsional'no-religioznom aspekte na Belorusskikh zemlyakh vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka [The policy of the tsarist government in the national-religious aspect in the Belarusian lands in the second half of the 19th — early 20th century. In Russ.] // *Kuleshovskie readings. Materyaly International Navukovay Kanferentsi: tezis dakladaŭ*. 2004. P. 134–136.

TABUNOV V. V. Polozheniye pravoslavnoy tserkvi i katolicheskogo kostela na belorusskikh zemlyakh v kontse XIX — nachale XX st. [The position of the Orthodox Church and Catholic Church in the Belarusian lands in the late 19th — early 20th century. In Russ.] // *Vesnik Magileyskaga dzyarzhaynaga Oniversiteta name A. A. Kulyashov*. 2006. No. 4 (25). P. 10–15.

TABUNOV V. V. Prichina perekhoda iz pravoslaviya v katolitsizm na belorusskikh zemlyakh v nachale XX veka [The reason for the transition from Orthodoxy to Catholicism in the Belarusian lands at the beginning of the 20th century. In Russ.] // *Romanov readings — 9. Collection of articles of the International Scientific Conference*. 2013. P. 178–180.

TABUNOV V. V. Deyatel'nost' rimsko-katolicheskogo kostela po sokhraneniuyu svoynego vliyaniya na belorusskikh zemlyakh v kontse XIX — nachale XX st. [The activity of the Roman Catholic Church to preserve its influence on the Belarusian lands at the end of the 19th — the beginning of the 20th century. In Russ.] // *Romanov readings — 15. Collection of articles of the International Scientific Conference*. Mogilev, 2021. P. 31–32.

TABUNOV V. V. Aktivizatsiya deyatelnosti katolicheskikh obshchestvenno-politicheskikh i sotsial'nykh organizatsiy v Belarusi v nachale XX veka [Revitalization of Catholic socio-political and social organizations in Belarus at the beginning of the 20th century. In Russ.] // *Social thought, movements and parties in Russia in*

the 19th – early 21st centuries. Collection of scientific articles. Based on the materials of the Seventh International Scientific Conference in Bryansk. 2006. P. 31–32.

TABUNOV V.V. Vliyanie Ukaza 17 aprelya 1905 g. na konfessional'nyu situatsiyu v Belarusi [Influence of the Decree of April 17, 1905 on the confessional situation in Belarus. In Russ.] // Materials of the scientific and methodological conference of teachers and staff on the results of research work in 2004. Mogilev State University named after A. A. Kuleshova. 2005. P. 20–22.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Д. Н. Рыбин. А. Ф. Кони против Н. В. Логанова: правовой аспект борьбы против униатства в западных губерниях Российской империи // Петербургский исторический журнал. 2022. № 1. С. 43–58

Аннотация: История распространения православного вероучения и русификация, проводившаяся Российским государством в XIX в., изучены и раскрыты в сотнях научных работ. Тема настолько велика, что исследователи открывают новые аспекты религиозно-этнической политики государства. Одним из таких аспектов стало использование органов юстиции для внедрения общеимперских норм в жизнь нерусских сообществ. Раскрывая эту тему на примере противостояния двух судебных деятелей — председателя съезда мировых судей (Н. В. Логанов) и обер-прокурора Сената (А. Ф. Кони), мы выявили два подхода к русификации. Один (Логанов) предполагал активное применение административных органов, принуждение, а органы юстиции рассматривались как карающий орган, помогающий МВД. Другие (Кони) считали, что свобода совести превыше всего, а внедрение православия и русификация должны проходить путем уговоров, пропаганды, положительного примера. Очевидно, путь Кони был более выигрышным и предпочтительным. Необходимо признать наличие острого дефицита компетентных чиновников. Общий состав российских чиновников отличался средним уровнем подготовки, а их начальники — генералы или правые монархисты — предпочитали действовать напролом. Чиновники западных губерний империи, ликвидируя унию и выдавливая польский язык, наломали много дров, озлобили население, сформировали стойкую оппозицию. Обжалуя полицейские действия в суде, поданные сталкивались со сговором органов юстиции и учреждений министерства внутренних дел. Ситуация менялась, когда обжалованные приговоры доходили до Сената. В конце XIX в. такие приговоры постоянно отменялись, оказываясь в Уголовно-Кассационном департаменте Сената, где им не давал ходу обер-прокурор Кони. Позиция Сената подрывала напористую политику административных органов управления губерниями. Борьба с униатством породила множество проблем, запутала правовую ситуацию, тысячи людей оказывались пораженными в правах. После 1905 г. началось постепенное внедрение принципа свободы совести в законодательство и жизнь западнорусского общества. Половина бывших польских униатов вышла из православия и перешла в католицизм.

Ключевые слова: А. Ф. Кони, уния, униатство, краковские браки, упорствующие, съезд мировых судей, Сенат, колядование, метрика, солтыс, войт, гминный суд.

FOR CITATION

D. N. Rybin. A. F. Koni vs. N. V. Loganov: the legal aspect of the struggle against Uniatism in the Western Provinces of the Russian Empire // Petersburg Historical Journal, no. 1, 2022, pp. 43–58

Abstract: The history of the spread of the Orthodox faith and the Russification carried out by the Russian state in the 19th century have been studied and disclosed in hundreds of scientific works (in our study, we note only modern works). The topic, however, is so great that researchers discover new aspects of the state's religious and ethnic policy. One of these aspects was the use of the justice authorities to implement general imperial norms in the life of non-Russian communities. Revealing this topic on the example of the confrontation between two judicial figures — the chairman of the congress of justices of the peace (N. V. Loganov) and the chief prosecutor of the Senate (A. F. Koni), we have identified two approaches to Russification. One (Loganov) assumed the active use of administrative authorities, coercion, and the justice authorities were seen as a punitive body helping the Ministry of Internal Affairs. Others (Koni) believed that freedom of conscience is above

all, and the introduction of Orthodoxy and Russification should take place through persuasion, propaganda, and a positive example. Obviously, Koni's path was more advantageous and preferable. But where could so many competent officials be found to maintain such a road? The general composition of Russian officials was distinguished by an average level of training, and their chiefs – generals or right-wing monarchists – preferred to go ahead. The officials of the western provinces of the empire, liquidating the union and squeezing out the Polish language, “broke a lot of firewood”, embittered the population, and formed a staunch opposition among the population. Appealing police actions in court, the filed-nye faced with collusion of justice and internal affairs bodies. The situation changed when the appealed sentences reached the Senate. At the end of the 19th century, such sentences were constantly “broken” when they found themselves in the Criminal Cassation Department of the Senate, where they were not allowed to go by Chief Prosecutor Koni. The position of the Senate undermined the assertive policy of the administrative bodies of government of the provinces. The fight against Uniatism gave rise to many problems, confused the legal situation, and put thousands of people in a stricken position. After 1905, the gradual introduction of the principle of freedom of conscience into legislation and the life of Western Russian society began. Half of the former Polish Uniates left Orthodoxy and converted to Catholicism.

Key words: A. F. Koni, union, uniatism, Krakow marriages, obstinate, congress of justices of the peace, Senate, caroling, metric, soltys, voyt, commune court.

Автор: **Рыбин, Данил Вячеславович** – к.и.н., доцент, Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», директор, Россия, г. Санкт-Петербург.

Author: **Rybin, Danil Vyacheslavovich** – PhD, Associate Professor, St. Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Director, Russia, St. Petersburg.

E-mail: danilarybin@rambler.ru